

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/95/14

От «пламенного революционера» – к «пламенному уфологу»: метаморфозы определения-советизма в современном медиатексте

Евгения Наумовна Басовская¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
jeni_ba@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается функционирование в материалах газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. прилагательного *пламенный*. Анализируется частотность лексемы и ее сочетаний с определяемыми словами. Рассматриваются аллюзии, основанные на поэтических цитатах. Автор приходит к выводу о том, что в 1990-х – начале 2000-х гг. доминантой использования прилагательного было пародийное снижение патетических советских идеологем; в дальнейшем отталкивание от новояза в значительной степени утратило выразительную силу, однако сохранилась возможность получения экспрессивного эффекта при отсылке к широко известным текстам, включающим слово *пламенный* в свой состав. Переставая ассоциироваться с советским идеологизированным дискурсом, прилагательное *пламенный* остается важным элементом словесной карнавализации, свойственной современному медиатексту.

Ключевые слова: медиаречь, газетный текст, новояз, советизм, аллюзия, стилистический диссонанс, ирония, комический эффект, карнавализация

Для цитирования: Басовская Е.Н. От «пламенного революционера» – к «пламенному уфологу»: метаморфозы определения-советизма в современном медиатексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 245–260. doi: 10.17223/19986645/95/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/14

From "fiery revolutionary" to "fiery ufologist": Metamorphoses of the Soviet-era attribute in the modern media text

Evgeniya N. Basovskaya¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
jeni_ba@mail.ru*

Abstract. The article examines the functioning of the adjective *fiery* ("plamenny") in materials of the *Kommersant* newspaper (1993–2024). The author analyzes the fre-

quency of the lexeme and its combinations with other words. The media text has numerous allusions based on poetic quotations. The author comes to the conclusion that in the 1990s – early 2000s the dominant use of the adjective was parody of pathetic Soviet ideologemes; later, the rejection of newspeak largely lost its expressive power, but the possibility of obtaining an expressive effect when referring to widely known texts that include the word *fiery* in their composition, remained. Ceasing to be associated with the Soviet ideological discourse, the adjective *fiery* remains an important element of verbal carnivalization typical for the modern media text.

Keywords: media speech, newspaper text, newspeak, Soviet-era vocabulary, allusion, stylistic dissonance, irony, comic effect, carnivalization

For citation: Basovskaya, E.N. (2025) From "fiery revolutionary" to "fiery ufologist": Metamorphoses of the Soviet-era attribute in the modern media text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 245–260. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/14

Постановка проблемы и материал исследования

На протяжении последних десятилетий внимание исследователей современного русского языка в целом и медиаречи в частности закономерно привлекают советизмы – слова и словосочетания, представляющие собой «наименования характерных особенностей, присущих именно советской действительности» [1. С. 54], иначе говоря – элементы специфической советской языковой картины мира.

В ранний постсоветский период, когда в сознании значительной части языкового коллектива сохранялись модели и смыслы новояза, специалисты отмечали высокую активность такого приема, как ироническое обыгрывание советского речевого клише [2. С. 22; 3. С. 229–230; 4]. В дальнейшем число тех, у кого отсылки к формулам новояза вызывают живую реакцию, закономерно и неуклонно сокращалось, что привело к своего рода коммуникативному размежеванию: старшая часть аудитории СМИ по-прежнему считывает дополнительные смыслы, транслируемые с помощью советизмов, младшая же не замечает подобных слов и конструкций или воспринимает их как информационный шум. Эти процессы позволили ряду исследователей констатировать такое явление, свойственное русскому языку 2010–2020-х гг., как деактуализация советизмов [5, 6]. Тем не менее нет оснований говорить о полной утрате специфической советской лексикой прагматического потенциала, востребованного современной медиаречью. Более того – сегодня фиксируется частичное возрождение советских идеологем [7. С. 178], в том числе и на вербальном уровне, что делает изучение предшествующих этапов их функционирования особенно актуальным.

Статья посвящена анализу функционирования в газетных текстах 1990–2020-х гг. советского эпитета *пламенный*. В семантике данного относительного (тактильного – согласно терминологии Н.Г. Брагиной и А.Н. Кузьминой [8]) прилагательного метафорический качественный компонент реализуется уже в XVIII–XIX вв. Значение «относительно к действию некоторых страстей: сильный, стремительный», «пылкий, страстный» зафиксировано

дореволюционными толковыми словарями¹. Но именно в советский период прилагательное претерпело существенную семантическую трансформацию, охарактеризованную, в частности, Б.Ю. Норманом: «...многие прилагательные становятся знаковыми для определенных политических или идеологических ситуаций. Самое заметное проявление такого сдвига – нарастание оценочного компонента в семантике этих слов, их поляризация по оси “наш – не наш”» [9. С. 384]. И Б.Ю. Норман, и Н.Г. Брагина и А.Н. Кузьмина отмечают позитивный характер метафорического эпитета *пламенный*.

Интересно, что первый советский толковый словарь не зафиксировал специфических идеологических оттенков в значении прилагательного². Они нашли отражение в послевоенных справочниках, причем только в иллюстративном материале: «З. *перен.* Пылкий, страстный. Пламенный патриотизм. Пламенный революционер»³; «З. *Перен.* Пылкий, страстный (о человеке)... Но пламеннее всех бойцов, Как будто сто сердец в груди его. Погиб наш политрук Клочков. Светл. Двадцать восемь»⁴. И только в постсоветский период авторы специализированного словаря уверенно отнесли эпитет *пламенный* к разряду патетических советизмов, приведя в качестве иллюстраций ряд идеологических клише: *пламенный привет, пламенный борец за свободу, пламенный патриот социалистической родины* и др.⁵

На эмоциональный ореол прилагательного *пламенный* оказали существенное влияние как минимум два литературных текста. Во-первых, это строки из вошедшей в школьную программу поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»: «Я знал одной лишь думы власть, / Одну – но пламенную страсть...»⁶. Данное прецедентное высказывание обеспечило стабильную «сцепку» слова *пламенный* с психологической тематикой и романтической стилистикой. Во-вторых, появившийся в 1920-х гг. и позднее ставший официальным гимном Военно-воздушных сил СССР «Авиамарш», или «Марш авиаторов» (слова П.Д. Германа)⁷, закрепил ассоциативную связь между метафорой *сердце – пламенный мотор* и героизмом советского человека.

¹ Словарь Академии Российской. Ч. 4. СПб. : Императорская Академия наук, 1793. Стб. 861; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Стб. 120.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. Стб. 279.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3: П–Р. 750 с. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

⁴ Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. Стб. 1301.

⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 440.

⁶ Лермонтов М.Ю. Мцыри // Библиотека Максима Машкова. URL: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/mcyri.txt>

⁷ Герман П.Д. Авиамарш // Библиотека российских авторов Bibra.ru. URL: <https://bibra.ru/composition/aviamarsh-vse-vyshe/>

История употребления и лексикографического описания слова *пламенный* порождает вопрос о том, может ли оно быть квалифицировано как советская идеологема или компонент ряда идеологем, а также о том, есть ли принципиальная разница между употреблением данного прилагательного как патетического средства широкого назначения и как сугубого советизма (данная проблема поставлена П. Червиньски, писавшим о том, насколько сложно алгоритмизировать анализ «советизированности» общеупотребительных слов [10. С. 119]). Применительно к нашему исследованию анализ этой проблематики означает постановку еще одного вопроса – о семантической базе языковой игры со словом *пламенный* в современном медиатексте. Что в ней преобладает – переосмысление речевого опыта новояза или общая тенденция к ироническому снижению высокого слова, преобразованию патетического эффекта в комический?

Цель исследования – определение тенденций, характеризующих применение данного средства выразительности в постсоветской медийной речи. В ходе лингвостилистического анализа медиатекстов решались следующие задачи:

- установление частотности определения *пламенный* в разные периоды;
- выявление наиболее типичной для рассматриваемого прилагательного лексической сочетаемости;
- характеристика типов применения эпитета (в рамках цитирования, в составе аллюзии, с ироническим переосмыслением и т.п.).

Материалом для статьи стали газетный подкорпус Национального корпуса русского языка и публикации газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. По данным компании «Медиалогия», в 2024 г. данное СМИ входило в топ-10 самых цитируемых газет¹. «Коммерсантъ» представляет также интерес как качественное медиа, ориентированное преимущественно на взрослую образованную аудиторию и в течение многих лет культивирующее языковую игру как средство диалога с читателем и воздействия на его интеллект и эмоции [11; 12]. Перечисленные особенности газеты «Коммерсантъ» дают основания для того, чтобы считать словоупотребление ее авторов показательным для развития медиадискурса постсоветского периода.

Количественный анализ полученных результатов

На первом этапе исследования было проведено сопоставление количественных данных, представленных в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и полученных самостоятельно (методом ручного подсчета) из сплошной выборки публикаций газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг.

Национальный корпус русского языка показывает значительный рост частотности прилагательного *пламенный* в 1995 и 1997 гг., дальнейшее плав-

¹ Топ-10 самых цитируемых газет. Май 2024. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13179/>

ное снижение активности эпитета и новые, хотя и менее значительные подъемы частотности в 2013 и 2017 гг. В последнем учтенном газетным подкорпусом 2021 г. частотность слова *пламенный* минимальна.

В текстах газеты «Коммерсантъ» прилагательное *пламенный* максимально активно 1995, 1997, 2001, 2003 и 2005 гг., в дальнейшем его частотность почти неуклонно снижается, достигая нулевой отметки в 2020 г. и незначительно возрастая в 2021 г.

Таким образом, несмотря на неполное совпадение количественных данных, НКРЯ и сайт издательского дома «Коммерсантъ» демонстрируют общую тенденцию – возрастание активности слова *пламенный* в журналистской речи середины – конца 1990-х гг., его сохранение в числе востребованных газетизмов в 2000-х и начале 2010-х и стремительное движение в направлении периферии медийного лексикона в 2020-х гг. На наш взгляд, такая ситуация вполне закономерна. Привлекательность эпитета *пламенный* в ранний постсоветский период обусловлена вызываемыми им стойкими ассоциациями с новоязом и определяемыми этим широкими возможностями для стилизации и пародирования. В более позднее время обыгрывание советских речевых клише постепенно утрачивает актуальность, вследствие чего слово *пламенный* применяется значительно реже, сохраняя тем не менее определенный выразительный потенциал.

Данные НКРЯ и газеты «Коммерсантъ» имеют немало общего и в плане коллокаций. В газетном подкорпусе НКРЯ в 1993–2021 гг. в качестве наиболее частотных словосочетаний с рассматриваемым прилагательным отмечены следующие: *пламенная речь* (419 вхождений), *пламенный мотор* (99), *пламенная страсть* (77), *пламенный привет*, *пламенный революционер* (149), *пламенный борец* (55), *пламенная любовь* (36), *пламенный призыв* (29), *пламенная революционерка* (25), *пламенный оратор* (18). В газете «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. чаще всего используются конструкции *пламенная речь* (195 вхождений), *пламенный революционер* (32), *пламенный борец* (20), *пламенная любовь* (17), *пламенный мотор* (17), *пламенная страсть* (15), *пламенный призыв* (13), *пламенное выступление* (9), *пламенный привет* (9), *пламенный Фидель* (7).

С целью получения сопоставимых результатов было проведено сопоставление данных НКРЯ и газеты «Коммерсантъ» за один и тот же временной промежуток – 1993–2021 гг. (таблица)

Сопоставление данных НКРЯ и газеты «Коммерсантъ» за 1993–2021 гг.

Словосочетание	Число вхождений в НКРЯ 1993–2021 гг.	Число вхождений в газете «Коммерсантъ» 1993–2021 гг.
<i>пламенная речь</i>	419	178
<i>пламенный революционер</i>	149	30
<i>пламенный мотор</i>	99	25
<i>пламенная страсть</i>	77	16
<i>пламенный борец</i>	55	15
<i>пламенный привет</i>	44	9

Словосочетание	Число вхождений в НКРЯ 1993–2021 гг.	Число вхождений в газете «Коммерсантъ» 1993–2021 гг.
<i>пламенная любовь</i>	36	3
<i>пламенный призыв</i>	29	14
<i>пламенная революционерка</i>	25	5
<i>пламенное выступление</i>	21	10
<i>пламенный оратор</i>	18	3
<i>пламенный Фидель</i>	3	7

Совпадение восьми из десяти наиболее частотных словосочетаний позволяет говорить о соответствии речевого поведения журналистов «Коммерсанта» общим тенденциям, касающимся функционирования лексемы *пламенный* в медиаречи 1990–2020-х гг.

Качественный анализ полученных результатов

Пламенная речь. Словосочетание *пламенная речь* фиксируется НКРЯ с 1830-х гг. и демонстрирует стабильно высокую частотность в дореволюционный, советский и постсоветский период; его активность снижается лишь в конце 2010-х – начала 2020-х гг. Эпитет *пламенный* применялся в художественной и публицистической речи XIX – начала XX столетия для характеристики эмоциональной речи влюбленных, религиозных деятелей и политиков. В советский период конструкция *пламенная речь* стала использоваться прежде всего для обозначения выступлений партийных деятелей на темы революции и коммунизма: «Он говорил *пламенные речи* о коммунизме... и на базарах многие плакали от его речей» (Пильняк Б.А. Волга впадает в Каспийское море. 1938); «В горячке общественной работы метался из комнаты в комнату, на каждом собрании выступал с *пламенными речами*, в каждую стенгазету писал статьи, в основном о борьбе за трудовую дисциплину» (Аксенов В.П. Коллеги. 1962)¹.

В газете «Коммерсантъ» прилагательное *пламенный* в большей части случаев применяется к речам политиков и известных общественных деятелей: «16 апреля Александр Рущкой выступил на заседании Верховного Совета России с *пламенной речью*, обличавшей, в числе прочего, незаконность приватизации на Дальнем Востоке» (23.04.1993); «В штаб-квартире ЮНЕСКО начался фестиваль “спасенных фильмов”... На церемонии присутствовали... звезды, многие из которых выступили с *пламенными речами*» (03.01.1995).

В одну тематическую группу со словосочетанием *пламенная речь* входят другие обозначения отправляемых неким адресантом сообщений: *пламенный призыв* (14 вхождений), *пламенное выступление* (9), *пламенный монолог* (6), *пламенное воззвание* (4), *пламенное послание* (3), *пламенное письмо* (2),

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://goo.su/SRE6qRq>; <https://goo.su/kwEuoZ>

пламенный спич (2), пламенные слова (2), пламенные тексты (2), а также пламенные дифирамбы, доклад, клич, манифест, молитва, напутствие, пассажи, проповедь, публицистика, сочинения, статьи, строчки, телеобращение, филиппики, фраза. Это лексическое богатство свидетельствует о том, что «пламенность» (страстность, внешняя яркость) устойчиво ассоциируются у журналистов с речевой деятельностью, прежде всего публичной.

В значительном числе примеров словосочетание *пламенная речь* и близкие к нему по смыслу конструкции помещаются в контекст, трансформирующий патетическое вербальное средство в комическое: «**Пламенные речи в пользу бедных** Камdessus произносил и на сессиях МВФ, и на саммитах “семерки”» (24.04.1996); «Но так ли уж плох нынешний министр?.. Может быть, чуть мягковат, зато обаятелен и умеет произносить **пламенные речи**. “Проколов” и “криминала” вроде не было» (23.08.1996); «Пятеро из них... даже выступили с **пламенным, но слегка корявым** письмом в тульской прессе...» (11.02.1998); «Под строгим наблюдением охраны (чуть ли не у каждого угла **подвыпившие** секьюрити наблюдали за каждым движением журналистов) прессу пустили в тесный зал заседаний, где собрались **пять** делегатов от Российского союза молодежи, **пять** членов Партии духовного возрождения России и **около сотни** остальных жириновцев – только для того, чтобы выслушать **пламенную речь** нового лидера нового блока» (14.10.1999); «Особенно **отличился** депутат от КПрФ Василий Шандыбин, уполномоченный наградить группу “Рефлекс”. Он держался **как на пленарном заседании и пламенную речь**, начинавшуюся словами “**Уважаемые товарищи!**”, закончил пожеланием “патриотических песен во славу России и нашего народа”» (18.11.2002); «...**сволочной** Брюсов бросает очередную жертву, педантичный Блок отчитывает Любовь Дмитриевну и тут же **строцит пламенное послание** Дельмас» (10.01.2022).

Средствами иронического снижения образа становятся фразеологизм с негативным значением *в пользу бедных*, неодобрительное определение стиля *корявый*, стилистически сниженные лексемы, такие как *проколы*, *подвыпившие*, *сволочной*, *строчить*, а также элементы канцелярского стиля (все это создает стилевой диссонанс), подчеркнутый автором алогизм (представительство партий на собрании – по пять человек от двух и около 100 от третьей) и т.д.

С течением времени пародийное снижение образа оратора, произносящего *пламенные*, т.е. излишне пышные, лишённые вкуса, а иногда и искренности речи, становится типичен для материалов на темы не столько политики, сколько кинематографа и спорта: «...однажды за общим советско-американским столом он **наезжает** на союзников, которые только самолетики слать горазды, вместо того чтоб давно открыть второй фронт – в этой **пламенной речи** фигурирует формулировка “**бабье** союзное”...» (10.06.2006); «После наиболее свежей осечки... тренеру Пи Джею Карлесимо даже пришлось **разразиться в раздевалке пламенной речью**, смысл которой сводился к тому, что так дальше жить нельзя, а надо брать себя в руки и цепляться за мячи и очки» (05.03.2013).

Необходимо подчеркнуть, что многократное ироническое использование словосочетания *пламенная речь* дает своего рода накопительный эффект: даже в тех случаях, когда в тексте отсутствуют очевидные приемы обыгрывания данного клише, привыкший к его комическим трансформациям читатель может воспринять само наличие данного оборота в качестве намека на саркастическое отношение журналиста к описываемому явлению. Данное явление предлагается условно назвать «ироническим эхо-эффектом».

Пламенный революционер. Вторую тематическую группу составляют словосочетания, в которых эпитет *пламенный* характеризует человека – носителя соответствующих качеств: страстности и преданности идее или делу. В нее входят обороты *пламенный революционер* (*пламенная революционерка*), *пламенный агитатор*, *боец*, *большевик*, *борец*, *вождь*, *единомышленник*, *защитник*, *критик*, *любовник*, *сторонник*, *народный герой*, *оппозиционер*, *оппонент*, *оратор*, *патриот*, *певец*, *поборник*, *поклонник*, *полководец*, *провозвестник*, *проповедник*, *публицист*, *республиканец*, *реформатор*, *романтик*, *трибун*, *троцкист*, *шестидесятник*, *пламенные комсомольцы* и *пламенные феминистки*. В перечисленных и некоторых подобных конструкциях эпитет *пламенный* используется традиционно – с целью акцентировать идейную убежденность и харизматичность личности.

Интересна способность определения *пламенный* сигнализировать о противоположных оценках объекта автором высказывания. *Пламенный N* может означать как «наш», «достойный восхищения», так и «не наш», «заслуживающий насмешливого отношения», причем второй вариант интерпретации в газете «Коммерсантъ» абсолютно количественно преобладает. Если ментальная конструкция *пламенный = наш* соответствует критически воспроизводимой журналистом чужой речи («...о мотивах убийства /генерала Рохлина/ весьма охотно *разглагольствовали* представители разномастной оппозиции. Суть высказываний сводилась к одной фразе: “Преступный режим уничтожил *пламенного борца и народного героя*”» (08.07.1998), то оценка *пламенный = чужой* присутствует почти во всех контекстах с использованием данного определения по отношению к конкретному лицу: «человек с *популистским имиджем пламенного бойца*» (21.03.2004); «научился ли политик быть *не только пламенным вождем, но и крепким хозяйственником*» (23.12.2008) и др.

Выявлены в процессе анализа газетных текстов и нестандартные сочетания, парадоксальность которых дает комический эффект: *пламенные дармеды* (1996), *пламенный шут* (1997), *пламенный строитель капитализма*, *пламенный эгоцентрик* (1998), *пламенные фаны* (2000), *пламенный старичок* (2001), *пламенные бородачи*, *пламенный борец за нефтедоллары* (2002), *пламенные джигиты* (2004). Начиная с середины 2000-х обороты этого типа в «Коммерсанте» не встречаются. Редкое исключение составляет конструкция *пламенные уфологи*, использованная в приложении «Коммерсантъ Weekend» 25.08.2023. Журналисты постепенно перестают юмористически использовать слово *пламенный* в сочетании с очевидно не подходящими к нему

семантически и стилистически существительными. При этом ироническое переосмысление советских коллокаций с прилагательным *пламенный* сохраняет активность. Вероятно, такое различие можно объяснить тем, что специфическая, соотносящаяся с советским новоязом экспрессия клише значительно мощнее, чем аналогичный выразительный заряд отдельного слова.

Высокая частотность конструкции *пламенный революционер* в определенной степени объясняется влиянием прецедентного высказывания – названия книжной серии «Пламенные революционеры», вышедшей в СССР с 1968 по 1990 г. и пользовавшейся большой популярностью у читателей¹. Использование словосочетания предполагало, таким образом, отсылку к советской системе ценностей, в которой пламенные революционеры были безусловными героями и двигателями исторического прогресса. Данный идейный базис на протяжении десятилетий давал две возможности – или опереться на готовую высокую экспрессию конструкции, или произвести ее карнавальное снижение. Второй вариант закономерно оказался преобладающим с учетом общей тенденции к карнавализации, отличающей коммуникацию последних десятилетий [13. С. 16].

В газете «Коммерсантъ» словосочетание *пламенный революционер* (*пламенная революционерка*, *пламенные революционеры*) встречается один-три раза в год с 1993 по 2017 г. В журналистской речи обозначение *пламенный революционер* (*пламенная революционерка*) применяется по отношению к лидеру кубинской революции Фиделю Кастро (несколько раз отмечается и вариант *пламенный Фидель*), аргентинскому левому политику Че Геваре (есть варианты *пламенный Че Гевара* и *пламенный товарищ Че*), немецкой коммунистке Кларе Цеткин, одному из вождей русской революции Льву Троцкому, а также французским деятелям искусства – карикатуристу Оноре Домье и режиссеру Жан-Люку Годару. Пламенная революционность толкуется, следовательно, не сугубо политически – она распространяется и на область духовной культуры. Во всех упомянутых контекстах явные признаки иронии отсутствуют, что не исключает, однако (особенно когда затрагивается политическая тематика), читательской реакции на словосочетания *пламенный революционер*, *пламенная революционерка*, *пламенные революционеры* как на маркеры советского новояза и, соответственно, идейной чуждости.

В отдельных случаях словосочетание берется в кавычки и функционирует как элемент и характерный признак чужой речи: «Сегодня, 2 октября, исполняется 56 лет лидеру движения “Трудовая Россия” Виктору Анпилову. С днем рождения Виктора Анпилова поздравляет депутат Государственной думы РФ, рабочий Василий Шандыбин: – Знаю я Виктора Ивановича очень давно, это *пламенный революционер*, отстаивающий интересы народа» (02.10.2001).

¹ См., например: Жукова В.А., Литовская М.А. Серия «Пламенные революционеры»: исторический роман как воспитатель свободомыслия // Филология и культура. 2012. С. 97–103.

Кавычки могут не только обозначать границы чужого высказывания, но и использоваться как средство иронии. Так, об участнике антигосударственного мятежа 1993 г., обвиненном в экстремизме Андрее Мандрике говорится: «...сидя в СИЗО, “пламенный революционер” пытался выдвинуть свою кандидатуру в местное законодательное собрание и в Госдуму» (30.01.2002). Образ псевдореволюционера рисуется и в других публикациях газеты «Коммерсантъ». Например, об участнике боевой организации эсеров Иване Каляеве, бросившем бомбу в карету великого князя Сергея Александровича, сказано: «Впрочем, это сейчас он террорист, а совсем недавно считался *пламенным революционером*-патриотом, и его именем называли улицы» (29.03.2003).

Наконец, словосочетание *пламенный революционер* может помещаться, как и любая другая исходно патетическая словесная конструкция, с комически снижающий контекст. Именно в таком саркастическом тоне описывается в «Коммерсанте» политическое противостояние центральной и московской власти середины 1990-х гг.: «...пресса столичной мэрии громит федеральные власти с необычайным *революционным задором* – “но, как прежде, в строю комсомольцы двадцатого года”, – да и самого мэра трудно упрекнуть в недостатке *революционного пыла*. Обличаемая *пламенными революционерами* федеральная исполнительная власть тем самым по определению является контрреволюционной – как и вообще всякая власть, стремящаяся к самосохранению» (12.08.1995).

Комический эффект дает трансформация советского речевого клише, принятая редакцией в 2005 г., когда материал, посвященный съезду представителей компартий бывших республик СССР, вышел под заголовком «*Пламенные контрреволюционеры*» (18.04.2005). Через два года один из ведущих публицистов «Коммерсанта» Андрей Колесников сугубо иронически интерпретировал поведение президента Венесуэлы Уго Чавеса, приглашенного вместе с другими политическими лидерами на скачки в Ростове-на-Дону: «Вместе с тем президент Венесуэлы несколько раз вставал со своего места, *переминался* с ноги на ногу, но как-то *не решился* подойти к столу с президентами СНГ. И что-то эта история не вязалась с образом *пламенного революционера*, который обязан был бы уже давно обратить на себя внимание – хотя бы криком “Ола!”. А мог бы, если такой уж *пламенный*, и скатерть *поджечь*» (02.07.2007). Среди прочих средств комического снижения образа политика здесь использована буквализация метафоры [14]: *пламенный* – тот, кто разжигает пламя.

Однако к концу 2010-х гг. ироническое обыгрывание образа *пламенного революционера* в газете «Коммерсантъ» прекращается. Видимо, журналисты чувствуют, что его потенциал как советизма практически исчерпан. В публикациях последнего периода обнаруживается даже попытка возродить изначальный патетический смысл конструкции, но в рамках не политической, а художественной и религиозной тематики. Одна из работ художника Гелия Коржева, представленная на выставке «Библия глазами сопреалиста», описывается так: «Все спроецировано на себя – с себя, с друзей и домашних писались пророки, апостолы и Богоматерь с младенцем. Конечно, будущим *пламенным революционером* – ведь “первым коммунистом был

Иисус Христос»» (16.01.2013). Данный прием нельзя, однако, назвать типичным для речевой практики «Коммерсанта» 2010–2020-х гг. Более показательна, на наш взгляд, утрата интереса публицистов к словосочетанию, переставшему быть удобным материалом для языковой игры, основанной на критическом осмыслении советского прошлого.

Пламенный мотор. Специального внимания заслуживает функционирование в газетных текстах 1990–2020-х гг. упоминавшегося выше метафорического словосочетания *пламенный мотор*, аккумулирующего в себе экспрессию идеологизированного советизма и широко известной цитаты. Специалистами неоднократно отмечалась способность прецедентного высказывания не только быть основой языковой игры, но и стимулировать, даже провоцировать ее в силу своей узнаваемости и большого ассоциативного шлейфа (см., например: [15. С. 71; 16. С. 225; 17. С. 39]).

Проанализированный материал дает примеры нетрансформированного воспроизведения текста-источника в большем или меньшем объеме. При этом пламенным мотором может быть, как и в оригинале, названо человеческое сердце: «*А вместо сердца пламенный мотор...* В TV-галерее в Центре современного искусства... открылся совместный выставочный проект Владислава Ефимова и Аристарха Чернышева “Тальвани”» (19.12.1996); «В момент той нашей встречи в Хараре Кастро был ровно в два раза старше меня: мне было 30, ему – 60. Он казался мне крепким стариком с *пламенным мотором*» (02.08.2006); «Спортивные плакаты, фотографии гимнастических пирамид: утрированная бронза мышц, стальные тросы сухожилий, *руки-крылья, пламенный мотор*» (10.11.2000); «История о том, как простой мужик... влюбился в балерину... обрел *вместо сердца пламенный мотор* и оказался на площади перед Зимним, на фронтах Первой мировой и в полях Чевенгура, – это цепочка талантливо инсценированных скетчей, воспроизводящих революционную манию искусственного формирования человека и жизни» (08.11.2017). Если в первых примерах тональность метафоры не отличается от присутствующей в первоисточнике (жизнеутверждающий гимн сильной и яркой личности), то в двух других *вместо сердца пламенный мотор* – характеристика советского человека, чья природа насильственно изменена политической системой.

Есть и немногочисленные случаи возвращения к буквальному значению слова «мотор» («Машина, преобразующая любой вид энергии в механический; двигатель»¹): «*Вместо сердца – пламенный мотор*, вместо остального – прочие механизмы. Сегодня в помещении автосалона New York Motors... состоится премьера спектакля “Тачка во плоти”...» (23.04.1994); «А народ разъезжался, надо заметить, неохотно. Некоторые, подружившись на всю жизнь, продолжали выпивать за крылатый металл, *пламенные моторы и стальные руки-крылья*. Из телевизионного репортажа мы узнали, что МАКС-2001 стал самым представительным за всю историю проведения

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80&mode=slvari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80&mode=slvari&dicts[]=42)

авиакосмических салонов в России» (20.08.2001). Здесь буквализация метафоры дает, как уже отмечалось, стабильный иронический эффект.

Представлены в «Коммерсанте» и случаи трансформирующей аллюзии [18. С. 78], причем с вариантами преобразования обоих компонентов метафоры: «И вместо гонки – пламенный мотор» (О втором этапе чемпионата мира “Формула-1”) (28.03.2000); «А вместо сердца – пламенный насос. Вчера в Москву прилетел американский кардиохирург Майкл Дебейки» (19.04.2000); «А вместо сердца – пламенный насос. Джейсон Стейтем оживает в “Адреналине-2”» (17.04.2009); «Вместо секса – пламенный мотор. Открылся кинофестиваль “Окно в Европу”» (09.08.2011); «А вместо сердца пламенный ремонт. S7 сократит зимнее расписание из-за сложностей с двигателями Airbus» (11.10.2023); «А вместо сердца – пламенный АСИ» (Агентство стратегических инициатив) (22.05.2024). Тот факт, что языковая игра с цитатой из советской песни продолжается в газетном дискурсе дольше, чем ироническое использование отдельно взятого эпитета-советизма *пламенный*, свидетельствует о высоком выразительном потенциале прецедентных высказываний, даже изъятых из культурно-исторического контекста.

Заключение

Проведенное исследование дает основания для того, чтобы предложить ответы на поставленные в его начале вопросы.

Прилагательное *пламенный* не относится к числу сугубых советизмов, но на протяжении ряда десятилетий оно регулярно использовалось как ярко экспрессивный компонент советских идеологем, таких как *пламенный большевик*, *пламенный борец*, *пламенный патриот*.

Количественный и качественный анализ функционирования прилагательного *пламенный* в материалах газеты «Коммерсантъ» 1993–2024 гг. демонстрирует тенденцию к постепенному угасанию интереса журналистов к такому приему его использования, как пародийное снижение узнаваемого советского патетизма. При этом аллюзии, основанные на известных поэтических цитатах, включающих в себя эпитет *пламенный*, продолжают появляться на страницах газеты и в 2020-х гг. В этих случаях аттрактивный, комический и мнемонический эффект определяются не преодолением советского новояза, а более общими коммуникативными факторами – обманом читательских ожиданий и стилистическим диссонансом.

В результате исследования подтверждена «накопительная способность» слов и конструкций, в течение долгого времени использующихся в качестве выразительного средства. В соответствии с терминологией В.П. Григорьева, на которую ссылается Н.А. Фатеева, прилагательное *пламенный* может быть квалифицировано как экспрессема – «слово, несущее в себе отражение всех контекстов своего употребления» [19. С. 17]. Ранее для экспрессем, функционирующих преимущественно в публицистическом тексте, было предло-

жено рабочее обозначение «медиастилема» [20]. Проведенный анализ использования эпитета *пламенный* ярко продемонстрировал «эхо-эффект» подобных лексических единиц: с накоплением опыта их однотипного (в частности – иронического) применения они приобретают способность придавать микроконтексту определенную стилевую окраску даже без дополнительных усилий со стороны адресанта. В газетных публикациях XXI в. такие обозначения личности, как *пламенный борец*, *пламенный оратор*, *пламенный трибун* и т.п., воспринимаются скорее как саркастические, нежели как комплиментарные.

Таким образом, можно констатировать, что если в 1990-х – начале 2000-х гг. доминантой обыгрывания советизмов было отталкивание от новояза, то в настоящее время эта установка сменяется иной – на словесную карнавализацию, не имеющую прямой связи с идеологией, языковую игру как самоцель.

Список источников

1. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект. М. : Наука, 1975. 323 с.
2. Земская Е.А. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Введение. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 9–31.
3. Седакова И.А. О советизмах в современной русской речи // Знакомый незнакомец. М. : РАН, Ин-т славяноведения и балканистики; Науч. центр общеслав. исслед., 1995. С. 225–235.
4. Басовская Е.Н. Старые имена – новые смыслы. Советизм как риторическое средство (на материале журнальных заголовков 2002–2003 гг.) // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 19–21.
5. Бушев А.Б. Русский язык: стремительная архаизация пласта советизмов, активная неологизация и изменения в коммуникации // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9, № 4 (33). С. 13–20.
6. Мамонова Ю.О. Деактуализация советизмов в семантико-лексикографическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2018. 204 с.
7. Кутина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. 186 с.
8. Брагина Н.Г., Кузьмина А.Н. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. 2019. № 5. С. 7–21.
9. Норман Б.Ю. О прагматических аспектах употребления относительных прилагательных (на материале газетных текстов) // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 379–390.
10. Червиньски П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 118–133.
11. Астафьева И.А. Играть словами: прецедентные тексты на страницах газеты «Коммерсантъ» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 4 (25). С. 55–59.
12. Попова М.А. Качественная пресса как тип медийного дискурса в лингвориторической парадигме // Символ науки. 2016. № 1. С. 99–103.
13. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.

14. Мокиенко В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1). С. 100–109.

15. Матвеева А.А. Структурно-семантические особенности языковой игры в прецедентных высказываниях в британском массмедийном дискурсе // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 69–76.

16. Свешникова Н.В. Прецедентные феномены как источник языковой игры в публицистическом тексте // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти С.Г. Стерлигова. Н. Новгород, 2021. С. 222–225.

17. Фацанова С.В. Трансформация прецедентных текстов как прием языковой игры в радиодискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 36–39.

18. Басовская Е.Н., Воронцова Т.А. Аллюзивные заголовки в СМИ: аксиологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 76–84.

19. Фатеева Н.А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 7. М., 2016. С. 13–28.

20. Басовская Е.Н. Семантическая эволюция слова и формирование медиастилемы (существительное *палач* в отечественной лексикографии и публицистическом тексте) // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Т. 1, № 1. С. 79–90.

References

1. Protchenko, I.F. (1975) *Leksika i slovoobrazovaniye russkogo yazyka sovetской epokhi: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Soviet Era: A Sociolinguistic Aspect]. Moscow: Nauka.

2. Zemskaya, E.A. (1996) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995). Vvedeniye* [The Russian Language at the End of the 20th Century (1985–1995). Introduction]. In: *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language at the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury. pp. 9–31.

3. Sedakova, I.A. (1995) *O sovetizmakh v sovremennoy russkoy rechi* [About Sovietisms in Modern Russian Speech]. In: *Znakomyy neznakomets* [Familiar Stranger]. Moscow: RAN, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki; Nauch. tsentr obshch斯拉в. issled. pp. 225–235.

4. Basovskaya, E.N. (2003) *Staryye imena – novyye smysly. Sovetizm kak ritoricheskoye sredstvo (na materiale zhurnalnykh zagolovkov 2002–2003 gg.)* [Old Names – New Meanings. Sovietism as a Rhetorical Device (Based on Journal Headlines from 2002–2003)]. In: *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern Political Linguistics]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 19–21.

5. Bushev, A.B. (2021) *Russkiy yazyk: stremitelnaya arkhazatsiya plasta sovetizmov, aktivnaya neologizatsiya i izmeneniya v kommunikatsii* [Russian Language: Rapid Archaization of Sovietisms, Active Neologization and Changes in Communication]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 9 (4). pp. 13–20.

6. Mamonova, Yu.O. (2018) *Deaktualizatsiya sovetizmov v semantiko-leksikograficheskom aspekte* [Deactualization of Sovietisms in Semantic-Lexicographic Aspect]. Philology Cand. Diss. Belgorod.

7. Kupina, N.A. (2015) *Totalitarnyy yazyk: Slovar i rechevyye reaktsii* [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. 2nd ed. Yekaterinburg: Ural University.

8. Bragina, N.G. & Kuzmina, A.N. (2019) *Taktilnyye metafory i ikh funktsionirovaniye v sovremennoy russkom yazyke* [Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 7–21.

9. Norman, B.Yu. (2021) O pragmaticeskikh aspektakh upotrebleniya odnositelnykh prilagatelnykh (na materiale gazetnykh tekstov) [On Pragmatic Aspects of Using Relative Adjectives (Based on Newspaper Texts)]. *Medialingvistika*. 8 (4). pp. 379–390.

10. Chervinski, P. (2007) Semantika negativno-otsenochnykh kategoriy pri oboznachenii lits v yazyke sovetской deystvitelnosti [Semantics of Negative Evaluative Categories When Designating Persons in the Language of Soviet Reality]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (23). pp. 118–133.

11. Astafyeva, I.A. (2019) Igrat slovami: pretsedentnyye teksty na stranitsakh gazety "Kommersant" [Playing with Words: Precedent Texts in Kommersant Newspaper]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*. 4 (25). pp. 55–59.

12. Popova, M.A. (2016) Kachestvennaya pressa kak tip mediynogo diskursa v lingvoritricheskoy paradigme [Quality Press as a Type of Media Discourse in the Linguo-Rhetorical Paradigm]. *Simvol nauki*. 1. pp. 99–103.

13. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2021) Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa [Trends in the Development of Modern Discourse]. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 14–31.

14. Mokiyenko, V.M. (2012) Frazеologiya i yazykovaya igra: dinamika formy i smysla [Phraseology and Language Play: Dynamics of Form and Meaning]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki*. 25 (64), 2 (1). pp. 100–109.

15. Matveyeva, A.A. (2021) Strukturno-semanticheskiye osobennosti yazykovoy igry v pretsedentnykh vyskazyvaniyakh v britanskom massmediynom diskurse [Structural and Semantic Features of Language Play in Precedent Utterances in British Media Discourse]. *Filologiya i kultura*. 1 (63). pp. 69–76.

16. Sveshnikova, N.V. (2021) Pretsedentnyye fenomeny kak istochnik yazykovoy igry v publitsisticheskoy tekste [Precedent Phenomena as a Source of Language Play in Journalistic Texts]. In: *Yazyki i kultura: funktsionalno-kommunikativnyy i lingvopragmaticheskiy aspekty* [Languages and Cultures: Functional-Communicative and Linguo-Pragmatic Aspects]. Nizhny Novgorod. pp. 222–225.

17. Fashchanova, S.V. (2011) Transformatsiya pretsedentnykh tekstov kak priem yazykovoy igry v radiodiskurse [Transformation of Precedent Texts as a Method of Language Play in Radio Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. pp. 36–39.

18. Basovskaya, E.N. & Vorontsova, T.A. (2024) Allyuzivnyye zagolovki v SMI: aksiologicheskiy aspekt [Allusive Headlines in Mass Media: Axiological Aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (487). pp. 76–84.

19. Fateyeva, N.A. (2016) Yazykovaya kreativnost: podstupy k teme [Language Creativity: Approaches to the Topic]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Iss. 7. Moscow. pp. 13–28.

20. Basovskaya, E.N. (2019) Semanticheskaya evolyutsiya slova i formirovaniye mediastilemy (sushchestvitelnoye palach v otechestvennoy leksikografii i publitsisticheskoy tekste) [Semantic Evolution of Words and Formation of Media Stylemes (The Noun "Executioner" in Russian Lexicography and Journalistic Texts)]. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 1 (1). pp. 79–90.

Информация об авторе:

Басовская Е.Н. – д-р филол. наук, заведующая кафедрой медиаречи Института журналистики и медиаиндустрий Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: jeni_ba@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Basovskaya, Dr. Sci. (Philology), head of the Media Speech Department, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: jeni_ba@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2024;
одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 02.08.2024;
approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 19.05.2025.*